
Автор представлен членом Художественного совета **Петрой Калугиной**

Лето на Севере

Лето северных островов,
Час блаженства природы нищей.
Этот край к чужакам суров,
Для своих здесь – и дом, и пища.

Дедов остров* хранит вода,
Что не только на вид студёна.
Тащит Сухона лес, суда...
Баржа тянется вдоль затона.

Здесь по солнцу идут часы.
Здесь текут в Заполярье реки.
Над разливом, испив росы,
Облака повернули «в греки».

Здесь затихла моя тоска.
Чья-то лодка плывёт к причалу...
И верней не найдёшь куска,
Лишь его заслужи сначала.

Разгрузи от леща баркас:
Рыбу в вёдра, и вымой днище.
Здесь народ на улов глазаст
И спокойной воды не ищет.

Здесь, на острове, долгий день
Над рыбацкой избой курится,
А рукав подлинней надет –
Не к тому, чтоб складней лениться.

Ветерок поутру кусач –
Стылый пасынок океана.
Горький привкус от неудач
Выдувается покаянно.

Был на Троицу звон густой,
А к Успению – звон печальный.
Здесь на Божий взяты постой
Скит да пустынька изначально.

Здесь мошкой именуют гнус,
Здесь не жалятся, но жалеют,
А ненужная роскошь – грусть
Лишь под утро кольнёт: болею...

Здесь морошки наешься впрок
И забудешь огни столицы.
Здесь привычней свистит юрок
Голоска городской синицы.

Лето северных островов
Отцветёт по-девичьи кратко,
Но запомнится – как любовь,
Всё отдавшая без остатка...

*Дедов остров – хутор в Тотемском районе Вологодской области.
Расположен на острове посередине реки Сухоны. На нём находится
заштатный мужской монастырь Троицкая Дедова пустынь.

Николаю Рубцову

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
Н. Рубцов

Бегут и бегут перелески,
Стемнело в вагонном окне.
Глядят семафоры-подвески:
Куда это вздумалось мне?..

Уютно звенит подстаканник,
Стучит под ногой колесо.
Я нынче счастливый изгнанник,
Избранник полей и лесов.

Зовёт меня рай комариный,
Угорье и храм над рекой
С проросшей на крыше осиной,
Щемящий вечерний покой...

Черёмуха манит в овраги,
В окошках горят огоньки.
Мне здешнего хлеба в сельмаге
Предложат из серой муки.

Напоят чайком и расспросят
В последней у речки избе:
– Надолго ль? а может, не гостем?..
Нашёл бы работу себе...

Хозяйскую скатерть разглажу
И тихо промолвлю в ответ,
Что рад бы, но с бытом не лажу,
И денег отстроиться нет.

Пора мне... Чуть стукнет калитка...
Дорога. Туман. Тишина.
А в небе свернулась улиткой
Над спящей деревней луна.

Родина моя, в часы печали...

Родина моя, в часы печали
Я гляжу, как плавно над рекой
Голубыми вѣтлами качает
Среднерусский девственный покой!

Спит река, объята прохладой,
Видят рыбы сны на глубине.
В тяжкий час душевного разлада
Тишиной лечиться надо мне.

Над речным туманом, над осокой
Чуть дрожит рубцовская звезда,
Так поэта вечер одинокий
В слове отразился навсегда.

Отчего-то странно тянут душу
Огоньки знакомых деревень,
Здесь поют на майские «Катюшу»
И с гармонью бродят целый день.

А когда засвищут в ночь Победы
Пойменные асы соловьи,
На побывку с неба, до обедни,
Отпускают воинов к своим.

Мужики хлебнут из мятой кружки –
Поминать убитых – не впервой!
И всплакнут, как водится, старушки,
Затянув «Платочек голубой».

Вот и мне, стоящей у осоки
На мостках в желанной тишине,
На душе уже не одиноко,
Только страшно думать о войне...

От века...

Игорю Царёву

«От века поэтов корки черствы»*,
Зато не бывают поэты мертвы,
Когда бы и пили мертвецки!
И то, что для Дании просто «слова...»,
В России – поэтова с плеч голова,
И кровь на страницах и «рецках».
Поэт – это выход в гудящий портал,
Быть может, там ангел Господень летал,
А может, насвистывал демон...
Слова для поэта – что к небу ключи,
А может быть, небо стихами звучит
В мерцательном пульсе фонемы...
И всё, что на сердце наносит рубцы,
Что жизнь нанизала на наши венцы,
Вернётся энергией рифмы...
И пусть изречённая мысль не нова,
И тяжко подчас достаются слова,
В приливе толкая на рифы...
Сияет гвоздинными язвами твердь,
А шагом к бессмертью становится смерть,
И слава легонько стучится...
Как нитью, потомков прошила строка,
Сердца человек связав на века
И высветив судьбы и лица...

Есть праздник в течении буден...

Есть праздник в течении буден,
В скольженьи негромких минут,
Когда из небесных посудин
Шершавые дождики льют,

Когда деловито и просто
Всяк маленький в доме сверчок
Картузик повесит на гвоздик
И тоненький снимет смычок.

Таится для сердца отрада
В порядке прожитого дня,
И смиренное стойбище грядок
Под вечер отпустит меня,

Сосна головой покачает,
Приветливо глянет звезда...
Вот так бы и жить от начала
Для творчества, воли, труда!

Разведрило в небе глубоком,
И тень от калитки густа.
И рифмы шуршат в водостоке,
И светится кожа листа.

Под пение крошечных скрипок
Полночные строчки бегут,
А мир переменчив и зыбок,
И полон видений уют...

Летом 16-го

Зной отпылал, и так прозрачен
Подсохший августовский сад.
Виднее стали стены дачи,
Окна решетчатый оклад,
Качели с узкою дорожкой,
Забор, малинника кусты,
Державный взгляд соседской кошки
С чердачной пыльной высоты,
Мои зачитанные книги,
Слегка продавленный диван...
Все тектонические сдвиги,
Экономический обман,
Теракты, войны, гарь бомбёжки
И чей-то пасмурный вердикт,
Что ветер нынешней делёжки
Раздует бурю впереди.
Угрозы тайной постоянство
В соседстве цифр календаря,
Столетней распри окаянство
Вокруг последнего царя.
Виднее плод в утробе века –
Иона в чреве у кита,
Вся беззащитность человека
На фоне Божьего креста.
Мои неловкие попытки
Найти в душе покой, уют...
Непрочные живые нитки,
Которыми надежды шьют.
Стеклярус призрачных иллюзий,
Стаккато бусин дождевых...
Весь этот летний ол инклюзив –
Миф для сегодняшних живых.
Кривые петли у калитки,
Неровность плитки у крыльца,
Немая музыка в избытке –
Шкаф партитурный у отца...
Неоценимость передышки,
Блаженства летнего волна –
Его недолгие излишки
Уже освоены сполна.
Ах, эта летняя приватность
Простого дачного житья!..
Неповторимость, невозвратность,
Незащищённость бытия.